

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР В ОТНОШЕНИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Валентина Гениевна БУЛДАКОВА,
зав. отделом организации научных
связей Института экономических
исследований ДВО РАН

Национальная политика руководства Китая складывалась на протяжении веков. Уже с середины II в. до н.э. в эпоху империи Хань Китай стал последовательно проводить политику присоединения территорий, населенных некитайскими народами. Для этого Китайское государство применяло очень гибкие методы, основанные на глубоком понимании различия в образе жизни и уровне экономического развития ханьцев и их соседей. В ханьское время возникла политическая практика «слабого руководства варварами», для которых были разработаны особые принципы политического, административного и правового регулирования (8).

Государственная доктрина традиционного Китая провозглашала, что благотворное влияние китайского монарха испытывают не только ханьцы, но и «дальние» народы, которые сами покоряются и прибывают ко двору с данью. В связи с этим все народы и племена, находившиеся в разной степени удаленности от Китая, рассматривались либо как реальные, либо потенциальные вассалы Китайского государства, а имперские шаги, направленные на включение новых земель в административно-территориальную структуру, официальная идеология объясняла либо патронажем этнических периферий, либо необходимостью наказания за нарушение вассальных обязанностей. При династии Тан (618—907) в китайскую политическую доктрину впервые была включена идея полиэтничного (многонационального) государства, в котором проживали и ханьцы, и «варвары» (6).

Эта исторически сложившаяся практика управления неханьскими народами плавно вписалась и в национальную политику правительства КНР, хотя на официальном уровне КПК, руководствуясь опытом Советского Союза, определила следующие принципы партийного курса в отношении малочисленных народов: 1 — равенство всех национальностей; 2 — образование автономных районов проживания малочисленных народов; 3 — развитие экономики и культуры национальных районов; 4 — повышение уровня образования и подготовки национальных кадров; 5 — уважение и сохранение традиций, обычаев и верований малочисленных народов, сохранение языка. Однако существенная составляющая национальной концепции остается прежней — убедить общественное мнение, что Китай исторически складывался как «единое многонациональное государство», а «китайская нация» — как «суперэтнос». Отсюда, во-первых, признание за всеми народами, проживающими на территории КНР, статуса «нации» при одновременном включении в понятие «китайская нация» этнических групп, «сопричастных к истории страны». Во-вторых, непризнание

принципов национального самоопределения и конфедеративного государственного устройства, а организация национально-государственного строительства на принципе районно-национальной автономии.

В настоящее время в Китае насчитывается 56 народов и народностей. По данным статистики, национальные меньшинства в 2000 г. составляли 8,41% по отношению к основной национальности — ханьцам (собственно китайцам) (2). При этом в исторический ареал обитания ханьцев включается и Центральный Китай — бассейны среднего и нижнего течения рек Хуанхэ и Янцзы.

Из числа национальных меньшинств 22 народа относятся к малочисленным (это народы с численностью менее 100 тыс. чел.). Исторически малочисленные этносы проживают на окраинах страны, в местах со слабо развитой инфраструктурой. Было выделено несколько так называемых особых районов компактного проживания представителей малых народов и образованы автономии в основном как самостоятельные провинции. К таким особым районам относятся Тибетская автономная провинция, автономный округ Внутренняя Монголия (со статусом провинции), автономный округ Синьцзян и др.

Главная цель, которая ставилась КПК в ее политике по отношению к национальным районам, сводилась к следующему: удержать их в качестве неотъемлемой части территории КНР и насколько возможно мирными средствами провести социально-экономические и политические преобразования.

По отношению к сельскому населению Китая, составляющему 90% жителей страны, малочисленные народы оказались в более выгодном положении. Создана система льгот и пособий, способствующих выживанию малых этносов. Национальные предприятия освобождаются от ряда налогов или платят их по льготному тарифу. Для желающих основать свое хозяйство предусмотрены безвозмездные пособия, бесплатное предоставление техники. В условиях общенационального контроля над рождаемостью представителям малочисленных народов разрешается иметь троих детей. Создана сеть университетов и институтов по подготовке национальных кадров, обучение в которых либо бесплатное, либо гораздо ниже, чем в обычных высших учебных заведениях (3).

Такая всеобъемлющая забота государства формально повышает благосостояние национальных меньшинств, гарантирует их выживание, но фактически делает национальные автономии полностью зависимыми от центра.

В КНР просматривается общенациональная тенденция ассимиляции малочисленных народов. На официальном уровне в КНР активно поддерживается доктрина китайской нации, приоритетное внимание уделяется формированию у граждан «государственного сознания» (государственной идентичности) при одновременном перемещении на второй план этнического сознания национальностей. Термина «сохранение национальных меньшинств» избегают, говоря об их развитии, притом, что официальная политика «одного ребенка в семье» не распространяется на национальные меньшинства, официальные власти нигде не указывают, что процентное соотношение национального состава останется неизменным. При наличии декларативных положений о необходимости сохранения национальных культур, традиций, обычаев и языка считается неизбежным исчезновение национальных языков, а в недалеком будущем и полное растворение малых народов в великой китайской нации.

Этническое самосознание некоторых народов настолько снижено, что ставит под сомнение само существование данного этноса. Так произошло, например, с маньчжурами, бывшими когда-то многочисленным народом со своими традициями и письменностью, но постепенно почти полностью ассимилировавшимися с ханьцами. Национальное самосознание сильно развито лишь у отдельных народов, как, например, у уйгуров (Синьцзян) и народов Тибета: там сохраняются национальный язык и культура. Из-за обостренного чувства

этнической идентичности и сепаратистских настроений проживающих здесь народов эти территории считаются особо проблемными, китайское руководство открыто признает их «неспокойными районами». Экономическое развитие этих районов сильно отстает от других провинций. Отсутствие развитой инфраструктуры не позволяет развивать этнографический туризм, дающий немалый доход и рабочие места для малочисленных народов, проживающих, например, на экономически развитом юге Китая. Просматривается прямая зависимость между экономическим благосостоянием и ассимилятивными процессами: чем динамичнее идет развитие национального района, тем быстрее происходит ассимиляция. Государство декларирует свободу выбора для каждой народности, на деле это выливается в поощрение ассимиляции.

В китайской этнографии существует теория ассимиляции, выдвинутая ученым Цзянь Бо зан (Jian Bo zan) в 60-х годах XX в. Согласно этой теории высоко развитый народ, завоевывая менее развитый, способствует не только его прогрессу, но и постепенной ассимиляции. Если же народ-завоеватель слабее завоеванного народа как в цивилизационном, так и в духовном плане, он неминуемо сам растворится в завоеванном этносе. В качестве примера, подтверждающего данную теорию, можно привести следующее: 1 — завоевание русскими Сибири, когда сибирские народы, стоявшие на первобытной ступени развития, получили возможность быстрого перехода к более цивилизованным формам жизнедеятельности, но при этом многие из них полностью ассимилировались с русскими; и 2 — история завоевания Китая маньчжурами, четырнадцать династий которых находились у власти в стране, но которые к настоящему времени почти полностью отождествившими себя с ханьцами.

Другая китайская теория ставит государственную национальную политику в зависимость от национальности руководителя страны. Если у власти представитель титульной нации, он проводит политику сохранения малых этносов (ленинская национальная политика права каждого народа на существование и самоопределение). Если же к власти пришел представитель недоминирующей нации, малые народы обречены на дискриминацию. В качестве примера приводится национальная политика И.В. Сталина (3).

Обе теории достаточно спорные. Нельзя утверждать, что за триста с лишним лет, прошедших со времени завоевания русскими Сибири, все коренные народы этого обширного региона ассимилировались с русскими. 150 тысяч эвенков, эвенов, селькупов, долганов, юкагиров и других коренных малочисленных народов, проживающих в современной Сибири, тому подтверждение. В.И. Ленин определил основные принципы национальной политики, но его фактическое руководство страной было слишком кратковременным, чтобы говорить о долгосрочной планомерной политике. И.В. Сталин же не уставал провозглашать себя верным последователем ленинских идей, уничтожая при этом целые народы. Все президенты США были представителями белого населения, но далеко не все проводили политику, направленную на защиту интересов коренного и другого цветного населения страны.

Однако теория ассимиляции «слабого» народа с более развитым вполне правомерна по отношению к историческому развитию самого Китая. Древние глубокие традиции имперского Китая послужили основными причинами устойчивого процесса консолидации китайского этноса и достаточно успешной аккультурации или полной ассимиляции иноэтнических групп на его территории.

Большинство этнологов Китая относят себя к приверженцам теории ассимиляции. Так, по мнению специалистов Института национальностей провинции Хэйлуцзян, исторический процесс и рыночная экономика неизбежно приведут к растворению малочисленных народов в китайской нации (3).

Процесс изменений в жизнедеятельности конкретного малочисленного народа Китая можно проследить на примере народности хэджэ. Это один из шести малочисленных народов, наряду с киргизами, ороченами, даурами, эвенками и народом сибо проживающими в провинции Хэйлунцзян. Исторически происхождение хэджэ восходит к древним тунгусским племенам, образовавшим в начале новой эры государство Бохай и позже — империю чжурчжэней — Цзинь, что значит «золотая». Разгром Золотой империи полчищами Чингисхана заставил остатки чжурчжэней отойти частью на северо-восток, где они дали начало народам среднего и нижнего Амура — нанайцам, ульчам, удэгейцам, а частью — в Маньчжурию, в бассейн Сунгари, где и возникла народность хэджэ (1). К моменту образования КНР хэджэ жили в условиях первобытнообщинного строя и представляли отдельный флаг (общину) маньчжурской общности. Были сильно развиты национальные обычаи и традиции, основанные на коллективном труде и равном распределении добычи или результатов такого труда, уважении и почитании предков и старших членов семьи, на неприятии трусости, хитрости, высокомерия. Основными занятиями хэджэ были охота и рыболовство. Отмечалась более демократичная организация, чем у сурового императорского Китая, в то же время права женщин были значительно ущемлены. Хэджэ говорили на своем языке, но не было ни письменности, ни школ. Японцы, под чьим влиянием находился Китай, проводили дискриминационную политику по отношению к этому народу, стремясь очистить приграничные территории. К моменту образования КНР хэджэ оставалось всего несколько сотен (10).

Жизнь в социалистическом Китае внесла позитивные изменения в развитие этого народа: были открыты школы, улучшилось медицинское обслуживание, хэджэ из землянок переселились в глинобитные дома, общинный образ жизни стал постепенно меняться в сторону индивидуального хозяйства. Резкие перемены наступили с началом реформ 80-х годов. Экологические изменения и истощительный лов почти полностью уничтожили рыбу в Сунгари и ее притоках, вырубка лесов лишила хэджэ привычного вида деятельности — охоты. Правительство приняло решение о коренной переориентации хозяйственной деятельности хэджэ с привычных для них рыболовства и охоты на развитие сельского хозяйства. Новый вид деятельности диктовался и рыночной экономикой. Представителям этого народа были выделены целинные земли на двух больших островах Сунгари, предоставлены безвозмездные пособия и техника на развитие сельского хозяйства, на средства провинции построен новый городок ближе к местам возделывания земель и мосты, соединяющие береговую часть и острова, оплата коммунальных услуг снижена на 50%. Процесс внедрения новых форм хозяйствования до сих пор идет довольно болезненно. В условиях распада общинных отношений не готовые к изменению привычного рода занятий хэджэ испытывали сильный психологический стресс, провоцирующий депрессию и самоубийства.

Большинство все же приспособилось к новым условиям, появились зажиточные крестьяне из числа хэджэ, стало развиваться предпринимательство, практиковаться сдача земель в аренду, быстрое развитие получил этнографический туризм. Сейчас в провинции Хэйлунцзян проживает 3800 чел. (представители национальности хэджэ). Вместе с регулярными пособиями со стороны государства годовой доход на каждого хэджэ в 2002 г. составил 2800 юаней, что значительно выше, чем в среднем на душу сельского населения в провинции Хэйлунцзян. По уровню жизни хэджэ занимают третье место среди малочисленных народов Китая (два народа с опережающим уровнем благосостояния живут на юге страны) (3). Значительно изменились и условия жизни: хэджэ теперь живут не в глинобитных домах, а в кирпичных, оснащенных всеми блага-

ми цивилизации: телевидением, стиральными машинами, телефонами, носят современную одежду, многие имеют автомашины.

Но вместе с тем произошла коммерциализация национальной культуры — теперь она полностью ориентируется на этнографический туризм. Развивается производство национальной одежды, поделок из бересты. Этнографический туризм приносит немалый доход представителям этого народа и дает рабочие места на обслуживающих объектах — гостиницах, ресторанах, прачечных, автозаправках (5).

Изменились психологические установки и духовные ценности хэджэ. Коллективный общинный труд полностью сменился индивидуальным. Если раньше отношение к коммерции было сугубо негативным как к чему-то нечестному, несправедливому, связанному с хитростью и обманом, то теперь хэджэ не стыдятся выставлять на продажу и культурные ценности своего народа. Коммерческая эксплуатация своей этнической принадлежности стала нормой.

В целом политика КНР в отношении национальных меньшинств направлена на ускорение экономического и культурного развития этих народов, на «подтягивание» национальных районов до уровня развитых провинций страны, что должно консолидировать нацию и предупредить возможные сепаратистские акции. При этом этническая самобытность малочисленных народов отодвигается на второй план, нивелируется, что ведет к постепенной ассимиляции национальных меньшинств.

Рассматривая китайский опыт и примеряя его к российской действительности, надо прежде всего определить цели государственной политики по отношению к коренным малочисленным народам, а именно — сохранение коренных народов или их ассимиляция. Если целью является сохранение этноса (такую цель мы и должны ставить в отношении коренных малочисленных народов), то надо помнить, что каждый этнос — это целостная социокультурная система, основой которой служат определенные социально-экономические отношения, особый хозяйственно-культурный тип и этническое самосознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.
2. Китай в истории и сегодня. Пекин: Изд-во М-ва культуры КНР, 2003.
3. Материалы Института национальностей провинции Хэйлунцзян.
4. Москалев А.А. Дискуссии о национализме в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3.
5. Мы — единый народ: О десятилетиях восстановления этнических связей нанайцев России и Китая. Хабаровск, 2002.
6. Попова И.Ф. Внутренняя национальная политика КНР // Этнический мир. № 20. http://www.assamblea.kg/em20_kyrg.htm
7. Сыроежкин К.Л. Сепаратизм в Синьзяне: мифы и реальность // <http://www.analitika.org/article.php?story=200503111343094642>. Heilongjianghezhezu. Harbin, 2003.
8. Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК // <http://www.continent.kz/library/KN-4/4soderjanie.html>
9. Якобсон А.Я. Этнические интересы и проблемы национально-территориальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 1.
10. Heilongjianghezhezu. Heilongjiang Liuyu Minzu lishi Yu Wenhua Congshu. Harbin, 2003.

SUMMARY: The article contains materials telling about the domestic national policy of China, about scientific theories used in the country, about methods and principles of the national building process regulation as well. There given information about the current status of some national minors of the PRC, their traditions, problems and tasks that are facing the government while solving the ethnic problems, and possibility or impossibility of using the Chinese experience in preservation of indigenous peoples in Russia.